

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

**КПСС
В ПЕРИОД
С 1917 ПО 1922 ГОД**

Франтишек Силницкий

СУЧАСНІСТЬ

ЛЕНИН О ФЕДЕРАЛИЗМЕ И ЦЕНТРАЛИЗМЕ*

В июне 1917 года собрался 1-й Всероссийский съезд советов. На этом съезде Ленин выступил с критикой меньшевиков за то, что они занимали централистскую позицию по отношению к многонациональной русской империи. В своем выступлении Ленин подчеркнул, что ближе всех к решению национальной проблемы подошел крестьянский съезд, заседавший с 17 мая по 10 июня 1917 года. (Следует отметить, что решения крестьянского съезда были сформулированы эсерским большинством его делегатов.) Так вот на этом съезде и была высказана мысль о преобразовании "единой и неделимой России" в федеративную республику, которая не будет подавлять ни одну нацию и отношения которой с нациями не будут основаны на насилии.¹

Поэтому и Ленин на 1-м Всероссийском съезде советов заявил, что ничего страшного не произойдет, если русская империя станет союзом свободных республик, так как необходимо освободить все народы,² с которыми в империи осуществляется революция.

Но эти заявления Ленина вовсе не означали, что он сам, а это значит и его партия, готов присоединиться к эсерской политике федерализации империи.³

Гораздо более важными и более реальными были другие заявления Ленина на том же 1-м Всероссийском съезде советов — и эти высказывания полностью противоречили его похвалам в адрес эсерских предложений относительно федерации. Ленин даже не допускал возможности, что Россия может развиваться как плюралистическое демократическое государство и что это многонациональное государство может иметь форму федера-

ции, где политическая власть не только не будет *над* обществом, а напротив, будет этим обществом выбираться. Ленин считал необходимым четко сформулировать свое отношение к этим вопросам и заявил: "Мы хотим единой и нераздельной республики российской с твердою властью"⁴. Ленин дополнил это заявление тем, что единство и неделимость республики с твердою государственной властью могут быть достигнуты лишь в результате добровольного согласия наций.⁵

Высказывания Ленина о федерации (май-июнь 1917 г.) как раз-то и являются результатом проделанного им анализа в работе "Государство и революция", где он рассматривает федерацию как средство национальной политики и как переходную форму к централистскому государству. В этом анализе Ленин опирается на Энгельса, стремясь тем самым придать своим собственным взглядам марксистскую ортодоксальность. Благодаря этому Ленину удастся избежать конкретных формулировок об отношениях между нациями русской империи и государством, об отношении центральной власти к этим нациям и об участии отдельных наций (их политических представительства) в формировании их национальной, а тем и общегосударственной политики.⁶

Несмотря на то, что в "Государстве и революции" Ленин не разрабатывает конкретную программу национальной политики, все же и в этой своей работе он рассматривает взаимосвязь национальной проблемы с его, ленинским, пониманием государства — как органа насилия в руках пролетарской власти⁷ — и в связи с аксиомой большевизма о создании как можно более крупного государственного целого, в отличие от идеи национального государства...

В это время Ленин вдруг начинает интересоваться вопросом федерации, хотя вся история большевизма и вся деятельность самого Ленина до тех пор решительно отрицала федеративную форму многонационального государства. Для большевиков федерализм всегда был пугалом, так как содержащаяся в этом понятии потенциальная автономия могла помешать "диктатуре пролетариата" изменить структуру общества; ведь даже потенциальная автономия признает элементы национального самоуправления, а это — уже ограничение центральной власти.

*Отрывки из книги "Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 год." 1978. Изд-во Сучасність.

Поэтому совершенно логично, что в области чистой теории "диктатура пролетариата", то есть абсолютный централизм правления большевиков, рассматривалась как полная противоположность федерализму многонационального государства.

Вопрос федерации и признания ее как формы государственного упорядочения вызвал среди советских историков дискуссию. Это произошло после XX съезда КПСС, когда Хрущев разрешил опубликовать так называемое Завещание Ленина и разрешил критиковать политику Сталина, что сразу же облегчило условия проведения исторического анализа разных аспектов истории КПСС. И не случайно, что в рамках этой дискуссии значительное внимание было уделено обмену мнениями между Лениным и Шаумяном, имевшему место уже после Поронинского совещания, на котором ленинцы согласовали свою политическую тактику по национальному вопросу. Свое отношение к федеративной перестройке империи Ленин сформулировал в письме Шаумяну от 23 ноября 1913 года. В этом письме он пишет:

"Право на самоопределение не означает только право на отделение. Оно означает также право на федеративную связь, право на автономию", — пишете Вы. Абсолютно несогласен. Оно *не* означает права на *федерацию*. Федерация есть союз равных, союз, требующий *общего* согласия. Как же может быть *право одной стороны на согласие* с ней другой стороны?? Это абсурд. Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или вернее если гнет и трения "сожителства" таковы, что они *портят* и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, *за* меня не решай, не думай, что ты имеешь "*право*" на федерацию.

"Право на автономию"?? Опять неверно. Мы *за автономию* для всех частей, мы *за право* отделения (а не *за отделение* всех!). Автономия есть *наш* план устройства демократического государства."⁸

Шаумян же исходил из предпосылки, что самоопределение может принимать различные формы, то есть оно может быть реализовано либо как отделение нации от государства (частью которого эта нация являлась); либо нация может оставаться в рамках государства как его федеративная часть; или же это самоопределение может вылиться в то, что нация приобретет национальную автономию.⁹

В то же время Ленин инструктировал своих сторонников в том смысле, что большевики бескомпромиссно стоят на позиции единого централизованного многонационального государства. Аргументируя против федерации, Ленин утверждал, что федерация препятствует экономической связи внутри государства.

Фоома, в которой Ленин отказался от федерации, отражает позицию радикального оппозиционера без какой-либо политической ответственности, оппозиционера, которому еще не нужно приспособливаться к ситуации, маневрировать и манипулировать многонациональным населением государства. Его второй аргумент против федерации вообще лишен какой-либо логики. Ленин утверждает, что одна сторона не может требовать федерации, так как федерация — это союз равных, с которым должны быть согласны все; поэтому одна сторона не имеет права требовать согласия другой стороны, и, по мнению Ленина, такое требование является абсурдным. Но тут Ленин сам абсурдно нарушает все правила политики, в проведении которой участвуют несколько сторон, в нашем случае — различные нации империи. Такой образ мысли сразу же вызывает вопрос, имеют ли вообще нации право требовать самоопределения? Ведь и с самоопределением вторая сторона не обязательно должна согласиться. Да и вообще, имеет ли кто-нибудь право требовать чего-либо, если у него нет права на "согласие другой стороны"? И если дословно придерживаться такой аргументации, то и большевики не могут иметь своей программы ни по национальному вопросу, ни в политике вообще...

Автономия (по Ленину) — это большевистский план создания в империи государства нового типа. Другими словами, он заботится не о национальной автономии (ведь и федерация

является признанием национальной автономии), достигнутой вследствие стремления угнетенных наций к равноправию, а о какой-то расплывчатой "автономии", которая будет установлена по велению его партии и подарена нерусским нациям как объектам исторического эксперимента большевиков. То есть, отрицая право на федерацию и право на автономию на деле, Ленин вместе с тем заявляет, что большевики поддерживают право на отделение, но не во всех случаях (то есть не для всех наций).

Таким образом, мы видим, что федерация и автономия нерусских наций — как следствие стремлений нерусских наций к равноправию и их успешной борьбы за него — эти две категории не устраивают Ленина, хотя они, разрушая старый централистский порядок национального угнетения и национального неравенства, все же сохраняют единое государство. И если Ленин не мог согласиться с правом наций на федерацию и автономию, то как в таком случае можно было принимать всерьез прокламированное (но не для всех) право наций на самоопределение, право, намного превышающее требование федерации или автономии? Потому что, если к этому праву добавляются ограничения в виде заявления "мы против отделения всех (!)", то это означает, что большевики сами заявляют о том, что не все нации смогут сами решать свою судьбу.

Еще находясь в оппозиции к царскому режиму, Ленин автоматически воспринимает идею русской империи как русского государства, предполагая, что та или другая нерусская нация может попытаться отделиться. Его политическая тактика — то есть признание права на отделение для нерусских наций, с которым (с отделением) его партия вовсе не *должна* согласиться, — даже не допускает возможности такой ситуации, в которой единственный государственный народ, русская нация перешел бы к политике отказа от своего господства над нерусскими нациями, к политике собственного национального отделения от наций, включенных русским народом в русское государство. В этом смысле Ленин подходил к национальной проблеме как к непримлемой для него попытке нерусских наций автономно определять свое развитие — причем касалось это как автономии на платформе многонационального государственного образования, так и автономии в результате отделения.

Сама сущность — политико-психологическая и историко-

эмоциональная — национальной проблемы империи в теории и практике ленинизма заключается в том, что все время говорится о нерусских нациях и все время ставится вопрос: что с ними делать, как себя вести по отношению к ним? Ленинизм вообще не формулирует вопрос о том, что и русский народ мог бы решить "национальный вопрос", первым отделившись от нерусских народов, которые он в течение сотен лет присоединял к своему государству. Не предусматривает ленинизм и другой вариант — что нерусские нации сами примут решение о своем будущем без вмешательства извне. Вся теория и практика ленинизма в "национальном вопросе" проникнута присвоенным им правом решать судьбу государства и его наций. Национальная проблема в ленинизме остается в руках государственной нации. Используя тезис Маркса, недооценивающий общественно-политическую важность национальной проблемы и ставящий ее на второстепенное место вообще (за интересами группы /класса, партии/) и применяя этот тезис в конкретных условиях русской империи, ленинизм создал идеологические (а после Октября и практические) условия для того, чтобы национальная проблема приобрела перманентный характер.

Письмо к Шаумяну Ленин написал 23 ноября 1913 года, и в нем он сформулировал свою позицию в отношении "будущего государственного упорядочения многонациональной России". Это письмо можно отнести к секретной внутрипартийной корреспонденции. Но сформулированной в нем позиции полностью противоречит публично пропагандировавшаяся линия, которая была сформулирована Лениным 20 февраля 1914 года в его статье, опубликованной в газете "Пути правды". В этой статье Ленин выступает против "Всероссийского национального союза" из-за того, что тот отказывается предоставить украинцам право на автономию или на федерацию. При этом Ленин задает вопрос, который сам по себе полностью противоречит его аргументации против федерации, которую он же сам привел в своем письме к Шаумяну.

"Почему же этот "федерализм" не мешает единству ни Соединенных Штатов Северной Америки, ни Швейца-

рии? Почему "автономия" не мешает единству Австро-Венгрии? Почему "автономия" даже укрепила на долгое время единство Англии и многих из ее колоний?"¹⁰

Но в своем основополагающем произведении "О праве наций на самоопределение", которое датируется тем же годом, Ленин совершенно откровенно заявляет, что "право на федерацию — это вообще бессмыслица, ибо федерация — это двусторонний договор..." и что "право наций на автономию" было бы так же бессмысленно, как и право наций на федерацию".¹¹

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В.И. Ленин, *Сочинения*, т. XXV, стр. 9.
2. Там же, стр. 23.
3. По крайней мере, если судить по его выступлениям в мае и июне 1917 года.
4. В.И. Ленин, *Сочинения*, т. XXV, стр. 9.
5. Там же.
6. Там же, стр. 415-421.
7. Такие взгляды в советских работах встречаются очень часто. В качестве иллюстрации приводим Г. Александренко, *Марксизм-ленинизм за государственную федерацию* (Киев: АН УССР, 1969); А. Спасов "В.И. Ленин о социалистической федерации", *Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института* (Ленинград, 1957), т. 31; А. Кайханиди "Марксизм-ленинизм о принципе государственной федерации", *Сборник научных работ Белорусского государственного университета* (Минск), стр. 61-84.
8. В.И. Ленин, *Сочинения*, т. XIX, стр. 453.
9. Ср. С.Т. Шаумян, *Избранные произведения* (Москва, 1957), т. 1 (1902-1916), стр. 155.
10. В.И. Ленин, *Сочинения*, т. XX, стр. 91-92.
11. Там же, стр. 411. Далее Ленин пишет: "ставить в свою программу защиту федерализма вообще марксисты никак не могут, об этом и нечего говорить." Что же касается автономии, то марксисты защищают не "право на автономию, а самое автономию как общий универсальный принцип демократического государства с лестным национальным составом..." То есть в действительности работа Ленина "О праве наций на самоопределение" отражает спор об "абстрактном принципе", с реализацией которого, то есть с фактическим правом входящей в страну нации самостоятельно решить свою судьбу, Ленин вовсе не был намерен соглашаться.